

П.П. Африкантов

Андропова радость

или

*сказ о том, как саратовской
игрушке наряд придумали*

Саратов 2021

П.П. Африкантов

АНДРОНОВА РАДОСТЬ

или

сказ о том, как саратовской игрушке наряд
придумали

Саратов

2021

Африкантов П.П.

АНДРОНОВА РАДОСТЬ или

сказ о том, как саратовской игрушке наряд придумали.

20 стр. г. 2021 .

Этот сказ об одном из символов города Саратова и Саратовской губернии – саратовской глиняной игрушке. Саратовская игрушка имеет уникальный ямчатый наряд, им она и отличается от других глиняных собратьев. А вот как этот наряд появился на изделии, и кто его создал, говорится в этом сказе.

Книга издана в авторской редакции.

Компьютерная вёрстка, обложка и макетирование

П.П. Африкантова.

Издание второе переработанное и дополненное

© П.П. Африкантов, 2021

Давно это было. Уж никто не помнит тех игрушечников, что в Саратовской земле до Григория жили. Канули в вечность и их творения из глины. Возможно, даже сейчас, кто-то случайно и выкопает из земли нечто такое, или вывернет из земли лемех плуга позеленевшую штуквину, или подмоют воды речки свои крутые берега и низвергнутся с высоты огромные пласты лежалой земли в воду, увлекая с собой древнего глиняного конька или козлика, сработанных неизвестным мастером. Затем отмоют прозрачные воды речки Крюковки поделки от никчемной породы, и заблестит, заиграет в перламутровых водах, среди полированных камешков, удивительная красота. И это будет такая красота, что сыскать подобной в подлунном мире невозможно.

Да, давно это было. Ещё тогда, когда первые поселенцы появились на берегах речки и начали своим теплом и потом согревать и разделявать эти, не ведавшие сохи и лопаты, уклонистые земли водораздела Волга – Дон. На этих уклонах речка

Крюковка и образовывается. По весне завязываются ручьи в лесистых оврагах в тугой водяной жгут и нет для этого водяного жгута преград. Так и несётся водяной жгут сломя голову, так и режет каменистую подошву овражных суходолий, так и устремляется неистовый поток в речку Колышлей, а Колышлей в Медведицу, а та в самый что ни на есть Дон. Сойдут снега, стихнет речка, и начинают питаться её неспешные воды от многочисленных родников. Лесная гряда в этом месте, шириной в полверсты будет, это и есть наивысшая точка водораздела. Все ручьи, что по ту сторону леса собираются, путь свой уже в Волгу держат.

После того, как город-крепость Саратов образовался, стали эти места обживаться – баре со своими крестьянами приехали, и эти крестьяне первые сваи под дома забили и землю сохой тронули. Чтоб строиться, материал нужен. А что служит для крестьянина в этих местах строительным материалом: дерево, камень, глина, да песок. Фундаменты под дома сплошь из камня делали, с дубовыми околышами. Этого камня по склонам речки видимо-невидимо. А вот для скрепления камней глина крестьянину была нужна. Больше камень друг с другом ничем не свяжешь, чтоб дешёво и крепко. Стали крестьяне глину искать. За

версту нашли залежь. Только эта глина им не совсем подошла, жирная, а песка, чтоб добавить, поблизости нет. Это потом, их правнуки, стали из этой жирной глины кирпичи делать. Пока же пришлось поиски наиболее подходящей глины продолжить.

Следует сказать, что правобережье Волги людьми обживалось не враз, а веками. Кто раньше поднимал не тронутые сохой земли, а кто гораздо позже. Так и деревни разнились по годам застройки.

Разумеется, в каждой деревне были свои смекалистые мужики. Был и в Крюковке такой крестьянин, Андрон звали. Смекалистый, в глине толк знал, потому как в тех местах, откуда его барин переселил, саманы делал для приработка. А ещё Андрон игрушки из глины лепил. Хорошие игрушки у него получались. Некоторые в деревне даже завидовали его таланту.

Пошёл Андрон вверх по речке. Идёт, всякие овражки осматривает. А так как Андрон знал, что глины разного цвета бывают, то к любому обрывцу присматривается, пробные шарики из земли катает, на язык пробует.

В общем, нашёл Андрон глину. Вешние и дождевые воды промоину в овражке сделали и глину

открыли. Часть глины обвалилась, образовалась неглубокая пещерка. Этакое в глиняной стене углубление. Если сверху глина была с дерновым мусором, что обсыпался при обвале, то в пещерке она была чистейшая.

Хорошая глина, серо-белая. Этой глиной хорошо дома обмазывать. Добавил в неё соломки для связки и хорошо. Дома все беленькие будут стоять, будто их нарисовал кто. Обрадовался Андрон, перемял пальцами кусок глины с водичкой, слепил конька и овечку, на бугорок поставил, посмотреть, как глина сохнуть будет, не даст ли трещин и какие трещины будут? Для игрушек глинка даже очень подходит. Беленькие будут игрушки, вон подсохшие комочки глины, по цвету на свежестираные рубахи походят. Не совсем уж белые, а с серинкой.

«Ладно, потом досушу поделки...» подумал Андрон – и домой засобирался, односельчан порадовать находкой. Как не говори, а если есть глина неподалёку, то половина строительных дел, считай, сделано. Перед тем, как в деревню идти, прилёг Андрон на бугорок, бороду солнцу подставил и задремал. Да только дремать ему недолго пришлось. Налетел шквальный ветер, пригнал лиловую с белой бахромой тучку и среди

летнего тепла и неги заплясал вокруг Андрона град с мелкой едучей крупкой. Град некрупный, колкий с ветром; так и режет лицо, шею, руки, смотреть нельзя.

Накрылся Андрон епанчой, схватил конька с овечкой, бросился в овражек, где глину брал, поставил игрушки, а сам лёг в пещерку, потому как она была мала, стоять в ней, да и сидеть было невозможно. А ветер с крупной так и хлещет, гром с треском прокатывается над Андроном. «Эх, игрушки в пещерке не укрыл, – мелькнула у Андрона мысль, – надобно это дело исправить». Только он собрался вылезти и поделки в пещерке от непогоды укрыть, а тут гром как ударит, аж земля вздрогнула и тут же навалилась на Андрона великая тяжесть. Без шума и треска обвалилась на Андрона часть глиняной стены с нависшей породой, и оказался Андрон на половину в земле погребённый.

Этого предвидеть он никак не мог. «Пещерка то вроде небольшая, а на тебе, обвалилась. – Думал Андрон. – Хорошо хоть не с головой накрыло, живой остался». Полежал Андрон немного, а после того как прошёл первый испуг, стал думать о том, как ему выбираться из земляного плена. Попробовал ногами пошевелить, да куда там. Как гнётом сдавило ноги, с места не сдвинуть. Одна надежда осталась на руки.

Только и тут особо не развернёшься. Лежит Андрон на животе и руками может только впереди себя двигать и по бокам, а глина на спине и ногах, её оттуда не стряхнёшь и не отгребёшь.

Только град ежеминутным оказался. Пролетела тучка, сгинул ветер, засияло солнышко, будто ничего и не было. «Чудно... – подумал Андрон. – Для чего это? Что мне от хорошей погоды, когда жить осталось, может быть всего ничего. Кто меня найдёт в этом овражке? Даже если искать будут, то пойдут в леса, на озёра, а тут почти что ровное место, мимо пройдут и внимания не обратят. Люди ведь думают, что плохое может с человеком только в дебрях случиться. Он тоже бы так думал. Да ладно, всё равно уж». И вдруг: «Врёшь Андрон. – Заговорил в нём внутренний голос. – Тебе не всё равно. Любишь ты жизнь. Сам молодой и жену свою молодую любишь. Дитя у тебя за подол матери держится. Рано тебе погибать, тем более вот так, не за по нюх табаку».

Поднял глаза, а перед ним овечка с коньком на плоском камне стоят. Он их впопыхах на камень поставил, перед тем как в пещерке залечь. Глядит Андрон на поделки, а они несказанным огнём горят. Такого он в жизни никогда не видел. Стал Андрон

собственные игрушки рассматривать и видит – впились мелкие градинки и ледяная крупка в мягкую глиняную поверхность и серебром с перламутром отливают, каждая грань ледяных кристаллов свой лучевой всплеск имеет, своим огнём горит. Такое сияние для Андрона не новость, всяк знает, что и град фигурный бывает, а про крупку ледяную и говорить нечего. Бывало, упадёт на ладонь звёздочка-звёздочкой, и жалко, что такая красота тает. Пройдёт минута – и нет её, исчезнет без следа. Так и здесь, всё то-же самое. «Вот так бы расписать игрушку, – думает он, – только вряд ли такое по силам человеку, что Бог создал, такого повторить невозможно».

Игрушки совсем рядом стоят, а не дотянутся. Несколько раз Андрон пытался их достать – не выходит. «Хорошо, что я игрушки сюда принёс, – размышляет он. – Если уж ему суждено в этой пещере с жизнью распрощаться, то проводят его в последний путь конёк и овечка. И то хорошо, и то радостно.

Тают на глазах Андрона красивые льдинки, освобождая пробитые ими ямки на теле игрушек. Каждая ямка свой рисунок имеет, где треугольники выдавлены, где звёздочки, или ещё что. Андрон по безграмотности и названий многих не знает, и сравнить

ему их не с чем. Только красота строгих форм от Андроновой безграмотности хуже не становится.

Заметил Андрон – каждая грань в ямке по-своему лучи отражает. И тут, аж озноб по телу прошёл.

– Создать такую ледяную крупку, что в глину впилась – он не может, а вот ямки похожие оттиснуть, ему по силам. Тут голову ломать не надо – вырезал на торце прутика треугольничек, да вдавил этот треугольничек в сырую глину, так и хорошо; здесь тебе и углубление, и грани. А если эти углубления в виде треугольников, кружочков, да звёздочек подкрасить, то о-го-го, как будет! Это не то, как он раньше на игрушку красу одной кисточкой наводил.

Понял Андрон подоплёку случившегося, понял, как надо расписывать игрушку, понял, как надо класть ямчатый рисунок. Сами крупинки при падении вряд бы оставили такие вмятины. Это им порывы злого ветра помогли такое сотворить. Андрон об этом думать не стал, чудо, оно и есть чудо.

Смотрит Андрон, как тают льдинки и жалко ему такую несказанную красоту потерять и больше никогда не увидеть.

– Стой же!!! – выкрикнул он. – Не уходи!!!
Дай потешить душу и усладить сердце!!!

Только не слушаются Андрона ни ледяная крупка, ни градинки, ни льдинки. Они медленно тают, оставляя после себя порезы и вмятины. И вот уже последние крупинки превратились в водицу и каплями сбегают по бокам игрушек. Вдруг видит Андрон, что с исчезновением льдинок не совсем увяла красота изделий. Блеск игрушки потеряли, это факт. Только вместо него появилась на глиняшках другая несказанная красота, которая затмила собой ледяной блеск крупки. Множество разных вмятинок образовала на коняшке и овечке непогода.

– Ты смотри! – воскликнул он. – Оказывается и непогода, то, что не совсем приемлет человек, может по-своему творить и создавать новое и невиданное...

Стал Андрон рассматривать вмятинки. Одни точно на звёздочки похожи, другие круглые, третьи вроде как треугольники. На боку у овечки треугольники в один рисунок сбились, круг образовали. На лошадке – во лбу звёздочка видна, а на груди целый веер звёздочек.

– Вот это да... – выдохнул Андрон. – Такого я никогда в жизни не видел. Это тебе не впившиеся льдинки блестят, это совсем другое. Вот чему надо

поучиться. Вот что надо перенять и воспроизвести на своих изделиях.

Проснулся в Андроне художник. И этот художник начисто отключил Андрона от реальности сиюминутной жизни. Забыл Андрон, что лежит он в никому неизвестном овражке и что нет рядом никого, кто мог бы подать ему руку помощи. Возможно, что и жить ему осталось совсем немного на земле.

Как бы думал каждый простой человек в этой ситуации: вспоминал бы родных и близких, клял бы себя за неосмотрительность, кричал бы, пока не потерял голос, бился бы головой о землю, которая цепко заключила его в свои объятия.

Всё было бы именно так, но не с Андроном. Он не бьётся головой о землю, не закатывает истерик и не прокликает в неутешной горе всех и вся, возлагая на них вину за то, что встретившись с ним, не остановили, не расспросили - зачем он и куда идёт, и не отговорили. Все бы были у слабого человека виноваты, всем бы досталось. А у Андрона в это время как то наоборот рождаются в голове причудливые рисунки, состоящие из кружочков, треугольничков, точек и звёздочек. И нет им

числа. Одни занятнее других. Другие причудливее третьих.

Не может Андрон выбросить их из головы, не может он отрешиться от этих сказочных наваждений и думать только о своём спасении. «Возможно, это даже и хорошо, – думает Андрон, – ничто не сбивает его с толку, ничто не приземляет его душу. Он почти погребён, а душа летает, творит и радуется».

Достаточно много времени прошло с той минуты, как рухнула на него глиняная глыба, после чего он увидел игрушку в новом свете. Наконец художник в Андроне занемог, душа устала, и наступило сердечное затишье. Ничто больше не волнует Андрона, будто сделал он главное дело в своей жизни и теперь может уйти на покой.

Да, это действительно так. То, что открылось Андрону в далёком будущем мастера и искусствоведы назовут ямчатой геометрической росписью. Но пока этой росписи нет. Вообще-то эта роспись есть. Она есть на коняшке и овечке, она угнездилась в душе и голове Андрона, она обязательно проявит себя в его изделиях и никто и ничто не может остановить поступательного

хода времени, которое должно донести до будущих поколений явленное божественным промыслом.

Только всё это не даётся просто так – всё нужно выстрадать и душевно и телесно, только тогда появятся всплески нового в мироздании, только тогда игрушка со своим чудной росписью займёт своё незыблемое место в подлунном мире. Это факт.

Очнулся Андрон от забытья. Смотрит, длинные тени поползли по противоположному склону оврага, значит дело к вечеру. Попытался Андрон стряхнуть глину. Насколько мог, отгрёб руками с боков, дальше не получается, руки больше не достают, хотя со спины часть глины просыпалась и дышать стало много легче. Пока с глиной возился, устал. Уронил голову на землю, забылся на несколько минут, а очнулся, от того, что почувствовал на лице чьё-то дыхание. Открыл глаза и видит Тяфку – его рыженькую собачонку. Когда Андрон уходил, то позвал её с собой, а Тяпка не пошла, заигралась с сынишкой, а теперь нашла его по следу. Вот умница, с ней всё веселее. Обрадовался Андрон собачке, да так, будто за жизнь зацепился. Только как

Тяфку отправишь в деревню за помощью, она не пойдёт, не обученная. Пусть так, рядом сидит и то хорошо.

Тёплую летнюю ночь они переночевали вдвоём. Очнулся Андрон от того, что ломят ноги, спина, поясница, да ещё пить хочется. Видит Андрон, чуть дальше по овражку вода блестит, воробышки у бережка пёрышками воду взбрызгивают. Там ключ из земли выбивает. Из этого ключа Андрон глину увлажнял, чтоб игрушки слепить. Вода вот она, совсем рядом, а не взять.

А тут ещё Тяфка стала Андрона домой звать. Отбежит от Андрона немного и начинает на месте крутиться и тяфкать. Так она человека за собой зовёт. Хозяин такую манеру поведения собачки знал и теперь с умилением и грустью смотрел на её выходки. Наконец та устала звать недвижимого хозяина, подошла к нему, обнюхала завал и стала копать. Она копала без усталости и с большим усердием.

– Разве ты меня откопаешь? – проговорил Андрон, глядя на потуги малорослой дворняжки. – Ничего у тебя, милая, не выйдет. Тут мужик с лопатой и то за час не справится. Что ты можешь сделать своими маленькими лапками. Я быстрее помру под этой глиной,

чем ты успеешь меня откопать. Только Тяфка его не слушала и продолжала самоотверженно трудиться. Так прошёл весь день. Сколько прокопала Тяфка, Андрон видеть не мог. Наконец она устала, забралась на завал и завывала. И столько в этом вое было любви и безысходности, что хватило бы на весь мир и ещё осталось. После долгого жалобного вытья Тяфка подошла к Андрону лизнула его в нос и легла по левую руку. Так прошла ещё одна ночь.

Утром Тяфка выбралась из овражка, постояла на его краю, посмотрела на Андрона и, повиляв хвостом, стала уходить по кособоку в направлении деревни.

– Иди Тяфка, иди... – проговорил в след Тяфке Андрон. – Нечем мне тебя покормить. Может быть, ты своим появлением дашь знак жене, соседям и тебя люди поймут. – Помолчал и тихо добавил, – может быть поймут, а может быть, и нет.

Тяфка ушла, и Андрону стало невмоготу скучно и совсем безысходно. Единственное близкое ему существо и то ушло в деревню. Осталась первая и последняя радость – игрушки.

– Тяфка, откуда ты, – всплеснула руками Матрёна, жена Андрона, – увидев собачку. Та же, при виде хозяйки, легла на живот и стала жалобно поскуливать. Подошёл дед Викул, он был соседом Андрона, посмотрел на собаку и сказал:

– Не зря собачка прибежала, не зря. К земле жмётся, скулит. Беда с Андроном произошла.

– Какая беда!– вскрикнула Матрёна.

– Почём мне знать, какая беда. Может деревом придавило, али в трясину попал. В прошлом годе пастух на рой пчёл наступил и от укусов помер. Всякие беды бывают, а ты спрашиваешь... какая? Она всякая беда-то. Откели знать.

– Так делать то что? Викул! А Викул! Мужиков в деревне нет, все на поисках. – Выкрикнула в плаче Матрёна.

– Делать, говоришь что? Лошадь запряжём, возьмём топор, лопату, верёвку и пойдём за Тяфкой.

Через малое время всё было приготовлено, и Викул, Матрёна с Тяфкой двинулись в путь. Тяфка бежит впереди и постоянно оглядывается, как бы убеждаясь в том, точно ли за ней идут люди и не свернули куда в

сторону. Когда подошли к овражку, Тяфка громко залаяла.

– Я тут-тут... – слышался слабый голос Андрона.

– Здесь он! Здесь! – сильным голосом проговорил Викул. Он понял, что произошло с соседом, и бросился откапывать Андрона, крикнув на бегу Матрёне, чтоб набрала и дала мужу воды. Тяфка тут же суетилась, повизгивала, прыгала на людей, выражая собачью радость и проявляя участие.

Андрона откопали, правда, ходить он не мог и сидеть тоже, всё тело затекло и не слушалось. Его положили на телегу и повезли. Тяфка тоже запрыгнула к Андрону на телегу.

– Умная животиная, – проговорил дед Викул.

С неделю провалялся Андрон на тюфяке. Матрёна растирала его и мазала всякими травяными мазями и поила настойками. А как он чуть поправился и встал с тюфяка, то перво-наперво сделал тройку игрушек из найденной глины и простенький рисунок геометрический наложил, для памяти, а затем уж за постройку сарая взялся.

Только не знал Андрон слова такого – «геометрический». Это потом, через много лет, грамотные люди эту роспись по глине, которую Андрон увидел и которую в скором времени обязательно освоит, назовут геометрической росписью. Имя же глиняной игрушке дадут «Саратовская».

Андрон же пока игрушку не лепит, он строит подсобные помещения. Надо где-то корову содержать, овец, кур. Без них никак нельзя.

Вот и истории сей, конец настал. Умер Андрон, умерли его дети, кто от отца мастерство росписи перенял. Умерли многие, кто после родился, игрушку лепил и успел состариться, одна игрушка не умерла, а живёт и благородством своим в чудной росписи, делает жизнь саратовцев краше.

Африкантов Пётр Петрович

АНДРОНОВА РАДОСТЬ

или

сказ о том, как саратовской игрушке наряд придумали